

Он не прощал лжи

Фото: Ольга Лисинова/РГ

Не стало Дмитрия Раичева, около 10 лет трудившегося собкором «Российской газеты» по Смоленской области. Ему шел лишь 52-й год..

Дмитрий любил свое дело, трепетно относился к своей малой родине, и именно это чувство двигало им, когда он эмоционально и аргументированно рассказывал о нечистых делах местных чиновников и примкнувших к ним варягов. «Я бы хотел, чтобы наша Смоленщина выглядела достойно на фоне других регионов», - как-то обмолвился он.

В профессии главным для него был результат, чему остались и материальные свидетельства. Например, памятник Анатолию Папанову в Вязьме (как и чуть ранее – Юрию Никулину в Демидове) появился во многом благодаря ему: после публикаций Дмитрия об актерах-земляках власти региона наконец решили увековечить их память.

Он умел быть по-настоящему независимым и был чужд «придворности».

А в свободное время гулял с маленькой дочерью Никой и писал музыку...

Ушла Галина Семенова

Оргкомитет «Комсомолу-100», Центральный Совет Общероссийской общественной организации «Воспитанники комсомола – Мое Отечество» с прискорбием сообщают, что **19 ноября 2017 г. после тяжелой болезни ушла из жизни Семенова Галина Владимировна**, воспитанница и

заслуженный ветеран комсомола, талантливый журналист и организатор, бывший главный редактор ряда журналов («Комсомольская жизнь», Крестьянка» и др), активная участница многих мероприятий и дел в комсомоле и женском движении, одна из последних секретарей и членов Политбюро ЦК КПСС, курировала актуальные вопросы женской политики и проблемы демографии.

Галина Владимировна Семенова родилась 24 августа 1937 г. В 1959 г. окончила факультет журналистики Львовского государственного университета им. И. Франко, в 1981 г. – АОН при ЦК КПСС, кандидат философских наук.

С 1959 г. работала литературным сотрудником газеты «Комсомольское племя» (г. Одесса); с 1963 г. – заведующая отделом редакции газеты ЦК ЛКСМ Украины «Комсомольская искра» по зоне Одесской, Николаевской, Херсонской и Крымской областей; 1965–1974 – литературный сотрудник, заведующая отделом, ответственный секретарь. С 1974 г. – главный редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь». С 1981 г. – главный редактор журнала «Крестьянка»; народный депутат СССР (1989–1991).

Единственная женщина – член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК

КПСС (1990–1991). Галина Владимировна Семёнова курировала женские вопросы. Вносила предложения и отстаивала интересы женщин, подрастающего поколения, семьи.

После 1991 года она – вице-президент информационного содружества «Атлантида», редактор журнала, сопредседатель исследовательской ассоциации «Женщины и развитие». Член Союза журналистов Москвы и Российского философского общества, член Попечительского совета Московского центра «Социальное партнёрство».

Награждена орденами «Знак Почёта», «Дружба народов», медалями, Почётным знаком ВЛКСМ, Международной демократической федерации женщин, Почётным дипломом Правительства Москвы.

Светлая и благодарная память об этой замечательной и талантливой труженице, искреннем и заботливом человеке, верном товарище и друге навсегда останется в наших сердцах.

***Секретари и сотрудники ЦК ВЛКСМ разных лет,
комсомольские журналисты, ветераны комсомола,
многочисленные товарищи и коллеги.***

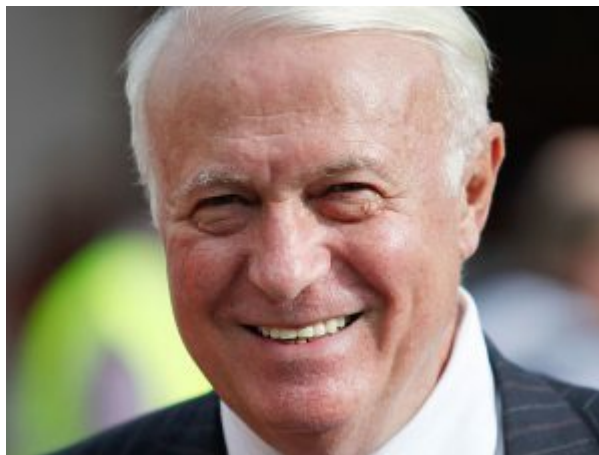
Как сообщили родственники, информация о дате и месте прощания и похоронах будет дана дополнительно.

Телефон для справок: +7 909 165 20 09.

Прощайте, человек-улыбка...

Известие о смерти популярного ведущего – как ушат ледяной воды. Потому что если на ТВ и было обаяние, то оно называлось просто – Борис Ноткин. И казалось вечным...

Сразу после этого известия начались подробности. Суицид... Как, почему... Очевидно, потому, что было невыносимо. Болезнь не избирательна. Она просто бьет наповал. И как часто бывает – лучших.

Вся телевизионная жизнь Ноткина – это история успеха. Он был интеллигентен настолько, что иногда казался несовременным. И даже как-то не верилось в то, что в наше время можно любить собеседника больше, чем себя, слушать его, а не упиваться собой, отдавать время именно ему – тому, кого ведущий позвал, пригласил в студию. У Ноткина всегда получалось именно так. И поэтому сейчас его тепло вспоминают и телезрители, и многочисленные гости его программ – всегда гуманистических, добрых и теплых.

Передача «Приглашает Борис Ноткин» была на ТВ Центре «фишкой» и фетишем. Сначала, правда, она выходила на Московском канале, потом, очень много лет, именно на ТВ Центре. Впрочем, какая разница – в общей сложности Борис Ноткин дарил телезрителям радость четверть века, как минимум. А если вспомнить «Добрый вечер, Москва», то, с чего он начинал, то и все тридцать.

Его образованность была образованностью высшей пробы. Он владел языками, был дипломированным переводчиком, работал в МГУ, потом ушел с головой в историю и докторскую защищал по американской историографии. Ноткин органично и просто общался с теми, кто давно был отнесен к числу культовых фигур нашего или недавно ушедшего времени – с Сергеем Бондарчуком и Франко

Дзеффирелли. Он никогда не скользил по поверхности – был слишком глубок для этого. И поэтому любая встреча с ним была событием.

..Спокойный, неизменная улыбка на лице. Сдержанный, с тонким чувством юмора. Сейчас его беседы вспоминаются как-то иначе, глубже, чем прежде. Откуда в нем была такая внимательность к собеседнику? От внутренней воспитанности, широкой души, мудрости? О чем он думал – встречаясь с таким количеством людей, о жизни и...?

Вскоре после миллениума Борис Ноткин стал казаться чуть более грустным. Наверное, его можно назвать философом телевидения – он много размышлял и о его роли в нашей жизни, обдумывал ее функции. Он искренне любил телевидение острое и бунтарское – сродни тому, в которое пришел в 1990-е в общем-то по случайности: его пригласили на эфир после острой публикации, а буквально через день предложили вести передачу. Его переживания по поводу ТВ и его роли были связаны все с тем же – с его внутренней порядочностью и желанием менять жизнь к лучшему – не свою. А нашу.

Наград у Ноткина было много, все – заслуженные. В последние годы он активно печатался в прессе, но передачи уже не вел. И весной этого года обратился в поликлинику с самым банальным, как казалось, недомоганием. А диагноз оказался страшным...

В предсмертной записке, по некоторым данным, Борис Исаевич написал, что уходит из жизни добровольно. И никогда не узнать, о чем он думал, готовясь совершить этот страшный шаг. Но очевидно это было решение очень сильного человека. Такого сильного, каким мы его и не знали...

Неожиданно. Горько и страшно. Очень больно. Его улыбка преследует – хоть закрывай глаза, хоть не закрывай – никак не исчезает. И пусть не исчезает. Не исчезнет и память о вас, Борис Исаевич. Светлая память...

Соболезнование телеканала «ТВ Центр»

Руководство и коллектив телеканала «ТВ Центр» выражает глубокие соболезнования семье Бориса Исаевича Ноткина в связи с его трагической кончиной. Борис Исаевич проработал на канале 20 лет – с самого основания «ТВ Центра». Его программы пользовались неизменным успехом у телезрителей. Непревзойденный интервьюер, он легко находил общий язык со всеми гостями. Его любили и уважали все коллеги без исключения. В этот трагический момент мы скорбим вместе с родными Бориса Исаевича и переживаем с ними невозможную утрату.

Памяти Бориса Ноткина

Сначала шок... Потому что вот так уйти из жизни, одним выстрелом прервать эту жизнь. И не веришь никаким сообщениям, никакой информации. Потом в голову лезут слова, пустые защитные слова. Которые просто как-то усыпляют, оттягивают время. Например, знаменитое чеховское: «Если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем акте оно непременно должно выстрелить». Слова превращаются в пошлость. Нет больше слов.

Опять идет информация: несколько месяцев назад Борис Исаевич Ноткин купил ружье. Говорил: в целях самообороны. Самообороны от жизни? У него была онкология IV степени.

Он был разным (теперь уже был), ни на кого не похожим, очень сложным. Но кто сейчас прост? Нет, не то, так можно сказать, наверное, про каждого.

Значит, что-то личное, это уже мой Ноткин. Гостиница «Пекин», 2000 год, интервью. Ему 58 лет, он молод, свеж, хорош собой. Очень умен, отточенно доброжелателен. Он в расцвете сил.

До телевидения была другая жизнь. Он переводчик с английского высшего разряда. Интеллектуал-переводчик или просто русский интеллигент. Он общается с элитой, с режиссерами, с дипломатами, преподает в МГУ. Замечательная богемная жизнь, полная тайн и секретов.

Но всё это до... До телевидения. Он пришел на ТВ в 89-м, в короткую эпоху советской свободы, когда в «Останкино», святая святых, можно было попасть с улицы. Единственное условие: нужно быть ярким, не шаблонным, не банальным, думающим. Ну да, это и есть портрет Ноткина.

...Мы сидим в холле гостиницы «Пекин». Он в отличной форме, он на пике. На канале ТВЦ Ноткин регулярно беседует с мэром Москвы Юрием Лужковым.

Эти беседы нужно показывать студентам. Да и всем пишущим, говорящим, снимающим. Помню свои ощущения: ты смотришь и испытываешь гордость за журналистику. Вот так можно (и нужно!) разговаривать с сильными мира сего. Не хамя, не оскорбляя, но и не подлизываясь, не пригнувшись в почтённом поклоне, не заглядывая подобострастно в глаза. Ноткин там был реальным представителем народа, московского люда, граждан. И общался он с всемогущим мэром с необычайным достоинством, абсолютно не выпячивая этого.

Вот такой естественный разговор власти и общества в прямом эфире длился 7 лет, а потом Ноткина сменили на более приемлемого интервьюера.

Ноткин потерял работу, но приобрел репутацию. Не стал гонимым,

диссидентом, его уже нельзя было просто так взять и убрать с канала. На ТВЦ пришло новое руководство, многим указали на дверь, но только не Борису Ноткину. Его оставили, а в общем-то, пристроили. Вместо мэра он стал встречаться с артистами и артистками, расспрашивать их о личной жизни, о браках-разводах, а кошечках-собачках. Не его уровень!

О своей личной жизни Борис Исаевич сильно не распространялся, всегда считался классическим холостяком и большим ценителем женщин. Как это не модно сейчас! Потом, в очень солидном возрасте, он все-таки женился, чуть-чуть развеял любопытство общественности и опять наглухо закрылся на эту тему.

Он всегда хотел быть сильным, не убегать от трендов. Ходил плавать в модный бассейн, играть в модный тогда теннис. Одевался с иголки, элегантность – вторая натура Ноткина.

Но... После ухода с той статусной передачи что-то в нем надломилось. Он будто бы хотел успеть на подножку уходящего поезда. Кажется, чувствовал свою невостребованность, неполноценность ощущений. С таким умом, знаниями, фактурой стараться лишь оставаться на плаву с легковесной программой – возможно, это унижало не только его амбициозную творческую сущность, но и мужскую. А потом он лишился и этого...

Его настигла неизлечимая болезнь. А он, думаю, не мог представить себя беспомощным, кому-то в тягость. Может быть, в последние месяцы своей жизни думал о судьбе Хемингуэя, Маяковского...

И никто из нас не смеет сейчас говорить: «Борис, ты не прав!» Не смеет читать мораль: мол, надо цепляться за жизнь во что бы то ни стало. Он поступил так, как поступил, вот так распорядившись своим бессмертным даром. А нам остается только склонить головы и помнить: Борис Ноткин. 75 лет. Журналист. Мир душе его.

Ушел Владимир Шляхтерман

Известный московский журналист, историк, участник Великой Отечественной войны Владимир Ильич Шляхтерман скончался в Москве в пятницу 3 ноября. Об этом «МК» сообщила дочь Владимира Ильича.

В.И. Шляхтерман родился 8 мая 1924 года. Прошел войну, был автоматчиком в мотострелковой бригаде. Затем стал журналистом. В 50-60-е годы работал ответственным секретарем в «Московском комсомольце», много писал о спорте, на исторические темы. Владимир Ильич не изменял своему делу до последних дней. Совсем недавно, летом прошлого года, в «МК» было опубликовано его [уникальное историческое исследование о советском разведчике Анатолии Гуревиче](#) которое вызвало огромный резонанс.

Редакция «МК» и Секретариат Союза журналистов Москвы выражают искренние соболезнования родным и близким Владимира Ильича Шляхтермана.

*Прощание состоится 7 ноября в 11:45 в морге 7-й горбольницы им. Юдина (Коломенский проезд, 4).
Похороны пройдут на Хованском кладбище.*

Памяти коллеги

*15 октября на 81-м году жизни
скончалась
ветеран журналистики, член Союза
журналистов Москвы
Виктория Резвушкина*

Виктория Яковлевна родилась 28 ноября 1936 года в Днепропетровске. Училась на факультете журналистики МГУ имени Ломоносова. С 1960 года трудилась в СМИ. Много лет редактировала газету «За отличную ткань» Московской ситценабивной фабрики. Около десяти лет была главным редактором «Ветеринарной газеты».

Виктория всегда была в гуще событий, активно занималась общественной работой. Входила в состав президиума МОСЖ, была членом партбюро фабрики. Говорить о Виктории в прошедшем времени очень трудно. Это был очень светлый жизнерадостный человек, с большим чувством юмора. Так же легко и живо она писала свои материалы.

родным и близким.

*Союз журналистов Москвы
скорбит в связи со смертью Виктории
Яковлевны Резвушкиной
и выражает искренние соболезнования ее*

В 2012 году по инициативе Людмилы Улицкой состоялся конкурс рассказов о послевоенном детстве.

Лучшие истории вошли в книгу Л. Улицкой **«Детство 45-53: а завтра будет счастье»** (Изд. АСТ. 2013).

В книгу вошел рассказ В.Я. Резвушкиной **«История двух детей в «эпоху войн и революций»**.

Предлагаем его здесь:

«Когда началась война, моему будущему мужу было двенадцать лет, а его брату Леше 4 года. Домашние дети, выращенные бабушкой, привязанные к семье. Моя будущая свекровь работала в «Пионерской Правде», ее муж преподавал в МИИТе. Не знаю, кому пришла в голову эта светлая мысль: сдать детей в детдом, но понимаю одно, свекор находился под сильным влиянием своей жены, из ее воли не выходил. И хотя очень любил своих детей, противостоять ей не мог. Детей собрали, но со многими детьми журналистов, партийных работников ехали мамы, а эти двое оказались совершенно одни. Где-то их грузили на пароход, и этот пароход плыл бок о бок с другим, на котором плыла моя свекровь в командировку. И там все были оглушены истошным воплем мальчика: «Мама, забери нас, не отдавай, мама, нам здесь страшно».

На нее это не подействовало. И мальчики оказались в Омской области, в детдоме. Причем, не вместе. Их разлучили. И младший был в детдоме для самых маленьких за три километра от старшего.

Старшего сына, моего будущего мужа, звали Эвир (эпоха войн и революций), к рождению младшего сына партийный пыл семьи несколько поутих, и его назвали просто Алешей.

Эвир еще дома страдал заболеванием почек, и у него были

проблемы с недержанием мочи. В детдоме эти проблемы вызывали жгучую ненависть нянечек и самих воспитанников. Основной костяк детей был не из москвичей, а из местных ребят, прошедших скитания, бомжевавших, не брезгающих кражами и грабежами.

За каждый случай его нещадно били, накрыв одеялом, чтоб криков не слышали. Нянечки это поощряли, потому что постельное белье было на счету, и болезненный мальчик прибавлял им работы.

Кроме того, было очень голодно. Кормили крайне скудно. Но Эвир не ел того, что давали, потому что отщипывал кусочки из скудного пайка для Алеши, и каждый вечер тайком сбегал из детдома, чтобы навестить и покормить брата. Лешка был болезненно к нему привязан и ждал его. Иногда Эвир даже пытался его вымыть. Сердце болело, какой дикий, неухоженный рос малыш. Эвир-то помнил настоящую еду, а Леша радовался любой корочке.

Война заканчивалась, и люди стали думать о возвращении. В Москву было просто так не попасть, нужны были разрешения на въезд. Многие мамы, которые все кусочки получше вырывали у других детей и отдавали своим детям, зашевелились. Они списались с мужьями, вызвали многих в эту глухомань, один за другим соединившиеся пары уезжали домой. За двумя мальчиками никто не приезжал. И тогда старший решил за двоих: они сбегут, не буду ждать, когда родители поторопятся. Они начали копить кусочки хлеба на дорогу. И договариваться с теми самыми мамами, которые так были немилосердны к ним раньше. К чести сказать, ребят никто не выдал, и согласились прятать их в вагоне под грудой вещей, чтоб патруль не заметил. Старший извелся, потому что малыш простудился, и боялся, что кашель его услышат. Потом он мучился, какой малыш грязный, боялся, что родители ужаснутся. Он мыл его ночью, ледяной водой, кипятка не было, из маленькой кружечки. И вытирал тем же колючим казенным одеялом.

Потом, не доезжая Москвы, они выскочили с Лешкой из вагона и

побрили по шпалам. Тогда беспризорников было очень много, и эти двое ни у кого вопросов даже не вызвали.

Каким-то чудом им удалось все же добрести до Москвы, до своего Товарищеского переуллка. Они совсем оборвались и на ногах не держались. Но у Эвира подмышкой было полбуханки хлеба, уже закаменелого. Они везли гостинец родителям.

В Товарищеском переуллке, в огромной квартире на первом этаже, соседи не хотели открывать двум оборванцам. Потом узнали Эвира, ужаснулись и побежали звонить отцу и матери. А детей пустили в их комнаты. Ключ хранился у соседей.

Дети торжественно водрузили на стол свои полбуханки. А потом открыли шкафчик. А там белые «французские» булки и масло. И Леша стал теревить брата. Показывал пальцем и спрашивал, что это такое. И тут «железный» мальчик Эвир сломался. Он плакал и плакал, не умея остановиться.

Младший не подпускал к себе никого, кроме брата, целый год. Прошла целая жизнь. У обоих были семьи. Но стоило им чуть выпить, они снова заводили разговоры про теплушку. Про истязания. Про серый слежавшийся хлеб. И Эвир монотонно, как заведенный, принимался рассказывать, как нужно глотать слюну, задерживать дыхание, когда есть хочется до обморока, а за пазухой у тебя только мизерная Лешкина доля. Слушать это было непереносимо. Наутро они стыдились самих себя. А потом все начиналось снова.

Один стал адвокатом. Другой журналистом. Совершенно опустошенные люди, сломанные внутри. Младший умер в 29 лет. Старший – не дожив до шестидесяти. А мама их умерла в 96 лет. В здравом уме, не раскаиваясь ни в чем. Уверенная в собственной непогрешимости».

Текст рассказа помещен здесь:

https://ria.ru/weekend_books/20120926/751645136.html

Памяти Константина Константиновича Барыкина

На 88-м году ушёл из
жизни известный российский
журналист
Константин Константинович
Барыкин

Он был блестящим репортёром, отмеченным самой престижной и редкой наградой – медалью Вл. Гиляровского, а также званием лауреата премии Союза журналистов России. Его материалы, печатавшиеся в газетах «Советская Россия», «Труд», журнале «Огонёк» и в «Литературной газете» вызвали огромный интерес миллионов читателей. Константин Барыкин отличался особым, заинтересованным, равнодушным отношением к темам своих выступлений, он одним из первых поднял вопрос о создании оргтехники для работников печати, был заместителем председателя специальной комиссии Союза журналистов СССР, издал книгу «Пишу, печатаю, диктую...» – первый шаг на долгом пути к компьютерам и интернету. В различных министерствах и ведомствах он доказывал, убеждал, требовал – необходимо обеспечить журналистов орудиями их труда, в первую очередь – хорошими пишущими машинками, которые специально надо было закупать за границей. Благодаря главным образом его усилиям в Москве появились сначала два, а потом и третий магазины «Журналист», отвоёванные, можно сказать, у всемогущей тогда

«Москниги». Сегодняшним работникам печати это трудно себе представить, но тогда, в семидесятые-восемидесятые годы это было настоящим подарком членам нашего творческого союза.

А в последние годы по инициативе Константина Барыкина началась работа по сохранению и возрождению традиционных национальных продуктов. Он автор книг «Хлеб, который мы едим», «Каравай от А до Я», «Палата мер, весов, пространств и расстояний», «Монолог капризного покупателя».

Константин Константинович Барыкин не только оставил о себе благодарную память, его имя вошло в историю отечественной журналистики.

*От имени Союза журналистов Москвы
выражаем глубокие соболезнования родным и
близким Константина Константиновича*

Владимир Сварцевич служил читателям, как отчизне

12 сентября ушёл из жизни наш коллега, военный фотограф и обозреватель «АиФ» Владимир Сварцевич.

Он прожил без малого 67 лет, из которых больше 20 проработал в Издательском доме «Аргументы и факты».

Хотя самому Володе слово «проработал», наверное, не понравилось бы. «Я не работаю в «АиФ» – я служу «АиФ», – рассказывал он в интервью, посвящённом юбилейной выставке его фотографий. – Я из редакции «АиФ» уходил на войну (более 100 командировок в «горячие точки» планеты. – Ред.), уезжал в десятки командировок, отправлялся в приятные дальние путешествия, но всегда возвращался в родную редакцию». «Я расцениваю служение своей газете как служение Отечеству, – вновь подчёркивал он, – Родине, людям, читателям, своим коллегам. Каковыми бы ни были тренды и веяния медиабизнеса». В журналистику Сварцевич пришёл в 1971 г., когда ещё не было слов «тренды» и «медиабизнес».

И если говорить о ступенях профессиональной карьеры, то Володя прошёл их все – от районной газеты в родной Калужской области до «Известий», ТАСС и «Рейтер». Со своей фотокамерой он ездил на афганскую и чеченские войны, освещал события на Ближнем Востоке, участвовал в гуманитарной операции ООН в Африке. После аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. бесстрашно отправился снимать последствия катастрофы. Потом были командировки в кровоточащую Югославию и Нагорный Карабах, Баку и Фергану, Приднестровье и Южную Осетию с Абхазией...

В 1996-м Владимир связал свою судьбу с «АиФ». Его фотографии, которые Сварцевич снимал в «горячих точках», в эпицентрах терактов – пронзительные, пропахшие порохом, пропитанные болью искалеченных и сражённых горем людей, – стали выходить в свет многомиллионными тиражами, лучше любых слов рассказывая читателям о том, что происходит в стране и мире. Но едва ли большинство из читавших эти репортажи представляли себе, каким трудом, какими нервами добывались такие кадры. «Раньше ты просто отправлял негативы в редакцию из той точки, в которой находился, и ждал, – рассказывал Володя. – Неизвестно, что в плёнках. Но в них должна быть твоя профессиональная гарантия. Ты находишься где-то в Таджикистане, Баку или Афганистане. Ты вернулся со спецоперации, у тебя эксклюзив, но у тебя нет связи с редакцией... Приходилось напрягать людей, вплоть до

министров, военных. Чтобы выбраться из гор, нужен вертолёт, а кое-где и танк. В аэропорту договариваешься с пассажиром, командиром корабля или стюардессой, отправляешь плёнки в Москву. И мучаешься до тех пор, пока не поступят вести из редакции: плёнки пришли».

Не было ни одного случая, чтобы мой снимок не пропустили в печать, хотя были довольно жёсткие фотофакты – политические и социальные, – не без гордости говорил он. – Видимо, мне просто повезло на это золотое время».

Впрочем, у его «везения» была и обратная сторона. «Беслан был самой тяжёлой командировкой, – вспоминал Владимир Савельевич. – Вокруг мясорубка. Я получил лёгкую контузию, мне показалось, что звука нет, есть только картинка. Что я настолько лёгкий и прозрачный и мне так сладко и тошно, что я, наверное, в раю. Помню, я ещё подумал: «Если я в раю, а где же архангелы? Не вижу. Стоп – вот же они! Но почему они с автоматами?» Вот так Господь Бог подсказал, что с войной пора завязывать. Видимо, выбран мой лимит везения... Романтика, кураж, мальчишество. Мы даже не думали о том, что журналистов могут убивать. Мы просто интуитивно шли по этому пути, учились практически на смерти своих друзей и коллег».

«Завязав» с военными фоторепортажами, Сварцевич начал писать. Снова мотался по стране, находил интересных людей – например, тех, кто бросил городской уют и уехал в деревню поднимать сельское хозяйство. Это были не дежурные репортажи «пришёл, увидел, написал» – в его историях всегда присутствовал авторский взгляд на жизнь. Он мерял людей своей меркой и не скрывал уважения к тем, кто совершал Поступки с большой буквы, потому что знал цену поступкам и подвигам, которых за свою жизнь повидал немало.

Среди военных, спецназовцев у него было много друзей, да, по большому счёту, боевых товарищей. Проститься с Владимиром вместе с близкими и коллегами приехал **глава Ингушетии Герой России Юнус-Бек Евкуров**. Телеграмму с соболезнованиями прислал

в «АиФ» глава Северной Осетии Вячеслав Битаров, отдав дань уважения талантливому журналисту и просто смелому человеку. Человеку, который, по словам поэта, «жил на разрыв» и умер от разрыва аорты. Светлая ему память...

Редакция выражает искренние соболезнования родным и близким Владимира Сварцевича.

Опубликовано в № 38 от 20 сентября 2017 г.